

Серия «Историческая библиотека»

ST PETERSBURG BRANCH
OF THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ

Aleksandr G. Grushevoy

А. Г. Грушевой

**THE JEWS AND JUDAISM
IN THE HISTORY
OF THE ROMAN REPUBLIC
AND THE ROMAN EMPIRE**

**ИУДЕИ И ИУДАИЗМ
В ИСТОРИИ РИМСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ И РИМСКОЙ
ИМПЕРИИ**

St. Petersburg State University
Faculty of Philology and Arts
2008

Факультет филологии и искусств
Санкт-Петербургского государственного университета
2008

ББК 63.3(0)32+86.31
Г91

Грушевой А. Г.
Г91 **Иудеи и иудаизм в истории Римской республики и Римской империи.** — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. — 484 с. — (Историческая библиотека)

ISBN 978-5-8465-0728-9

В предлагаемой книге впервые в отечественной литературе всесторонне анализируются дошедшие до нас источники, позволяющие исследовать историю взаимоотношений иудеев и римского государства от первых контактов Римской республики с государством Маккавеев в первой половине II в. до н. э. до потери Ближнего Востока Восточной Римской империей в результате арабского завоевания во второй четверти VII в. н. э. Предпринимается попытка показать, что в истории взаимоотношений римского государства и иудеев следует выделять три этапа: 1) до поражения восстания Бар Кохбы; 2) до воцарения императора Константина; 3) до арабского завоевания. Автор при этом особо подчеркивает, что для языческой античности принципиально неверно употребление термина «антисемитизм». Все известные анти-иудейские высказывания историков языческого времени не более чем проявление аристократической ксенофобии отдельных представителей очень узкого круга образованной элиты.

Grushevoy A. G.

The Jews and Judaism in the History of the Roman Republic and the Roman Empire. — St. Petersburg: St. Petersburg State University Faculty of Philology and Arts, 2008. — 484 p. — (Historical library)

ISBN 978-5-8465-0728-9

This book contains a comprehensive analysis of the survived original sources important for the study of mutual relations between the Jews and the Roman state and progress of these relations during the period from the first contacts of Roman Republic and the state of Maccabees in the first half of 2nd century B.C. till the second quarter of 7th century A.D. when the Eastern Roman Empire has lost its territories in the Near East as the result of Arabian conquer. The author makes a special emphasis on the impropriety of using the term “anti-Semitism” applied to pagan antiquity. Any anti-Judaic utterances found in the books written by pagan historians should be rated as no more than aristocratic xenophobia, an arrogant contempt in relation to the persons of different nationality.

ББК 63.3(0)32+86.31

*Работа выполнена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 07-01-16112д)*

© А. Г. Грушевой, 2008
© Филологический факультет СПбГУ, 2008
© С. В. Лебединский, оформление, 2008

ISBN 978-5-8465-0728-9

*С благодарностью — учителям
Э. Д. Фролову, И. М. Дьяконову,
И. Ш. Шифману, Г. Л. Курбатову*

Введение

1

Данная работа является обработкой лекций, читавшихся автором в 2000–2002 гг. в нескольких высших учебных заведениях Санкт-Петербурга. История иудеев и иудаизма в настоящее время изучается во многих вузах, однако лишь за последние 10–15 лет (после 1990 г.) на русском языке стали появляться отдельные работы, чаще всего переводные, отражающие современный уровень развития иудаики как науки. При этом серьезного учебного пособия по истории иудеев и иудаизма по рассматриваемому в работе периоду как не было, так и нет (во всяком случае в России). В этом и заключается одна из основных причин, заставивших автора взяться за эту работу.

Автор не ставил перед собой цели в рамках данной работы разрешить непростую проблему, пытаясь изложить все аспекты истории иудеев в рамках античной истории. Изобилие источников, касающихся различных аспектов жизни и верований адептов иудаизма в античности и ранневизантийское время, позволяет в принципе писать многоотомные исследования по данной теме. Имея в виду это обстоятельство, автор решил, соблюдая по возможности разумный баланс между простотой изложения и научным подходом, представить основные факты, касающиеся политической истории, экономической и культурной жизни иудеев и адептов иудаизма в римский и ранневизантийский период.

Обращаясь к этой теме, автор имел в виду прежде всего совершенно неподготовленного по данной проблематике читателя, каковым чаще всего и оказывается современный студент любого гуманитарного факультета любого вуза. Обращение к такому читателю требует скорее качественного изложения информации, чем, собственно, исследовательского подхода: особого внимания к нерешенным и спорным проблемам. Этот принцип и выдерживается в работе, однако в ней

содержится несколько положений, которые автор рассматривает именно как свой личный вклад в разработку рассматриваемой проблематики. Речь идет о следующих достаточно очевидных фактах, которые, как ни странно, особого внимания исследователей не привлекали.

Взаимоотношения иудеев и римского государства, иудеев и Восточной Римской империи до арабского завоевания прошли несколько этапов. При этом характер этих взаимоотношений для каждого из периодов будет особым, существенно отличающимся от других этапов.

Первый этап этих отношений начинается ориентировочно со времени Маккавейских войн (от первых контактов Рима и иудеев) и заканчивается поражением восстания Бар Кохбы (полным и окончательным включением Палестины в состав римского государства в качестве провинции *Syria Palaestina*). *Все конфликты Рима и иудеев относятся лишь к этому, первому периоду их взаимоотношений*, отличавшемуся крайней политической нестабильностью на всем своем протяжении в связи с тем, что это было время медленного поглощения Римом Восточного Средиземноморья.

Три крупных антиримских восстания, имевших место в это время (Иудейская война, восстание в диаспоре при Траяне и восстание Бар Кохбы) завершились поражением восставших. Здесь не место говорить о причинах восстаний, ибо этот вопрос в основном будет рассмотрен ниже в соответствующих главах. Здесь важно отметить другое. Взаимоотношения людей — вне зависимости от того, идет ли речь о двух или же, скажем, о двух миллионах — всегда складываются на двусторонней или многосторонней основе. При этом принципиально отметить, что не бывает стопроцентной вины или правоты какой-либо одной из сторон. Так, на совести греков, как известно, скандальный иудейский погром в Александрии в 38 г.¹ На совести эллинизированного населения городов Ближнего Востока (в основном арамеев и лишь в незначительной степени греков) массовые убийства иудеев в первые месяцы Иудейской войны².

Было бы антиисторично думать, что иудеи в этих конфликтах безвинны. Источники свидетельствуют о многочисленных провокациях греков на конфликт и многочисленных убийствах эллинизированного населения в городах Ближнего Востока в первые месяцы

Иудейской войны. Неслучайно, естественно, император Клавдий, обращаясь к жителям Александрии в связи с завершением разбирательства дела о погроме 38 г., призывал к сдержанности обе стороны³. Можно по-разному относиться к шумному конфликту двух этнических общин в Кесарее Палестинской накануне Иудейской войны, однако же очевидно, что *обе стороны* вели себя не так, как следовало бы себя вести тем, кто по-настоящему хочет о чем-то мирно договориться с другой стороной.

После восстания Бар Кохбы, когда все протестующие в Палестине были истреблены или проданы в рабство, во взаимоотношениях Рима и иудеев наступает — как бы это ни казалось странным в первый момент — значительное улучшение. Выжившие смирились с римской властью, мессианские и эсхатологические идеи, столь распространенные среди иудеев I в. н. э., показали свою полную несостоятельность (мессия, в иудейском понимании этого слова, не пришел), новых идей, которые звали бы к борьбе за национальное освобождение, не возникло, и в результате очень быстро сложилась ситуация, когда исчезла сама база для конфликта между иудеями и римской властью, готовой благожелательно воспринимать любой народ, не бунтующий и не злоумышляющий против Рима.

Начался второй, принципиально отличающийся от предыдущего, период взаимоотношений иудеев с языческим Римом. После смерти императора Адриана, последовавшей через 3 года после окончания восстания Бар Кохбы (в 138 г.) процесс интеграции иудеев и римского языческого государства развивается только по нарастающей и достигает своего максимума при династии Северов. Тогда были приняты два закона, один из которых имел большое юридическое значение для всего населения империи, а следовательно и для иудеев. Второй закон, адресованный иудеям, имел, несомненно, большое значение для них.

Дата первого закона известна точно. В 212 г. сын Септимия Севера император Каракалла издал знаменитую *Constitutio Antoniana*, т. е. закон, согласно которому римское гражданство предоставлялось абсолютно всем подданным, за исключением тех, кто был захвачен в плен с оружием в руках. Иными словами, в 212 г. иудеи были полностью уравниены в правах на государственном уровне со всеми остальными подданными⁴.

¹ Весь комплекс проблем, связанных с александрийским погромом 38 г., прекрасно освещен в известных исторических сочинениях Филона Александрийского — «Против Флакка»; «Посольство к Гаю». Информация об изданиях текста трактата и комментариев к нему приведена в библиографии.

² См. подробнее гл. 2.

³ CPJ. Vol. 2. N 153. l. 75–98.

⁴ Sartre M. L'Orient Romain. Provinces et sociétés provinciales en Méditerranée orientale d'Auguste aux Sévères. (31 avant J.-C. — 235 après J.-C.). Paris, 1991. P. 67–68.

Второй закон, касающийся иудеев и относящийся к началу III в. н. э., сохранился в Дигестах⁵. *Eis qui Iudaicam superstitionem sequuntur, divi Severus et Antoninus honores adipisci permiserunt, sed et necessitates eis imposuerunt, qui superstitionem eorum non laederent* («Тем, кто следует иудейскому суеверию, божественные Север и Антонин разрешили занимать должности, но и наложили на них повинности, чтобы они⁶ не вредили их [собственному] суеверию»). Концовку предложения надо понимать в том смысле, что исполнение иудеем любой магистратуры не должно нанести вред их вере и должно соответствовать предписаниям их веры. Нюанс этот весьма важен для правильного понимания истории развития Рима и иудеев. Он показывает понимание центральной властью, к сколь прискорбным последствиям может привести такой, пусть даже гипотетический, конфликт⁷.

Так продолжалось до рубежа III и IV вв. Политический кризис в государстве и сложности экономической жизни привели к тому, что практически весь III в. государство в какой-то мере забыло о существовании иудеев. На протяжении этого времени сохранялось своего рода *status quo* — действовали все законы, принятые при Северах, иудеи были абсолютно полноценными гражданами государства и взаимовлияние двух культур сохранялось на достаточно высоком уровне.

Положение, однако, начало кардинально меняться, когда в 305 г. к власти пришел император Константин и наступил третий этап

⁵ Dig., I, 2, 3, 3.

⁶ Имеются в виду те, кто придерживается иудейского суеверия.

⁷ К сожалению, приходится отметить, что принципиально неверен перевод этой фразы в следующем издании: Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. Введение и комментарии М. Штерна. Русское издание под научной и литературной редакцией Н. В. Брагинской. Т. II. Часть вторая. От Диогена Лаэртского до Симпликия. М., 2002. С. 399: «Тем, кто придерживается иудейского суеверия, божественные Север и Антонин разрешили занимать должности, но и наложили на них повинности, не вредящие их суеверию». Местоимение *qui* (форма мужского рода) не может заменять слово *necessitates* (слово женского рода). Кроме того, последние слова данной фразы образуют отдельное придаточное (целевое) предложение, что видно по конъюнктиву глагола, завершающему данную фразу. Столь же неверен перевод данной фразы в седьмом томе полного издания латинского текста Дигест с русским переводом: «Тем, кто придерживается иудейского вероисповедания, божественные Север и Антонин разрешили занимать почетные должности, но вменили им в обязанности, чтобы они своим вероисповеданием никому не вредили» (Дигесты Юстиниана. Т. VII. Полутом 2. Кн. XLVIII–I / Отв. ред. Л. Л. Кофанов. М., 2005. С. 369). В словах, завершающих анализируемую фразу (*qui superstitionem eorum non laederent*), нет ничего, что позволило бы увидеть в них кого-то третьего, кому иудейское суеверие могло бы нанести вред.

взаимоотношений иудеев с римским государством. Он характеризовался медленным, но неуклонным ухудшением положения иудеев в римском государстве в связи с изначальной, хотя и непоследовательной враждебностью христианства к иудаизму. Этот **третий этап** взаимоотношений Рима и иудеев, а затем Византии и иудеев продолжался до завоевания Ближнего Востока арабами.

Отношение христиан к иудеям, сложившееся в IV–VI вв., во многом определило последующий характер взаимоотношений адептов двух мировых религий вплоть до наших дней.

Внутренняя жизнь иудейского общества в рассматриваемый период (с первой половины II в. до н. э. до арабского завоевания) отличалась разнообразием как по формам политической организации, так и по проявлениям культурной жизни. Так, не считая некоторых универсальных различий жизни иудеев в Палестине и в диаспоре (в работе они отмечены), необходимо иметь в виду, что даже в пределах, собственно, Палестины условия жизни иудеев во внутренних областях были иными, чем в городах приморской равнины. Что же касается диаспоры, то условия жизни и взаимоотношения общин с окружающим миром, например, в Риме, Александрии, Малой Азии или Карфагене, также различались между собой во многих отношениях.

Эти различия не исключали, естественно, культурного единства всех иудеев, объединенных языком, законом и вытекающими из его соблюдения обычаями. Однако необходимо особо отметить, что внутренняя жизнь иудейского общества в целом и культурная в частности отнюдь не ограничивались школами по изучению Писания и нормами раввинистического иудаизма.

Жизнь иудеев в языческом обществе Римской империи — особенно это касается общин диаспоры — сталкивала их с представителями принципиально иной культуры, что делало актуальным для обеих сторон вопрос о толерантном отношении друг к другу, о пределах этой толерантности и о готовности использовать культурные достижения друг друга.

С одной стороны, у нас нет оснований преувеличивать роль культурного взаимовлияния эллинистического, римского, а затем ранневизантийского мира и иудейского общества. Контакты двух культур были весьма разнообразны по форме и по сути, но при этом и античная, и иудейская культура сохранили свои корни и свою неповторимость. Необходимо также помнить, что иудеи для эллинистических государств, римского языческого общества и затем общества Восточной Римской империи всегда были лишь одним из многих периферийных народов со своей особой культурой.

Однако здесь существует и одна серьезная проблема, порожденная скорее особенностями политической истории XX столетия, чем реальностями политической и культурной жизни древних обществ. Многочисленные преследования иудеев в Новое и Новейшее время, антииудейские по духу высказывания целого ряда греческих и римских авторов привели к формированию устойчивого представления о существовании антисемитизма в языческом обществе.

Его истоки очевидны — печальное наследие многочисленных погромов в сочетании с особенностями менталитета целого ряда исследователей⁸ способствовали совершенно неоправданному **по сути**, хотя, формально говоря, вполне возможному «переносу» отношения к евреям в Европе XVIII–XX вв. на языческую, эллинистическую и римскую, эпоху. Формальная возможность подобного «переноса» объясняется тем, что антииудейские выпады в общественной жизни древних обществ и в творчестве древних писателей действительно имели место, хотя и не являлись универсальным явлением ни в общественной жизни, ни в литературе (во времена язычества).

Автор данной работы берет на себя утверждать и доказать на фактическом материале, что все антииудейские выпады в жизни античных обществ и в творчестве греческих и римских авторов нельзя называть антисемитизмом, если иметь при этом в виду характерную для современности и являющуюся своего рода концепцией высшую форму антииудейских настроений, когда каждый член общества в принципе знает, в чем заключается «вина» иудея.

Для языческого времени мы имеем дело не более чем с аристократической ксенофобией и высокомерным презрением аристократа к инородцу, что отражало взгляды отдельных представителей очень узкого круга образованной элиты и могло находить какой-то отклик у тех, кто тянулся к знаниям и интересовался литературными новинками. В целом же, если исключить рабов, античное общество состояло прежде всего из нескольких категорий свободных земледельцев или арендаторов, ремесленников и торговцев. Иными словами, абсолютное большинство членов римского общества языческого пе-

⁸ Естественным, если считать, что любое критическое высказывание в адрес иудея или иудаизма — это уже антисемитизм, тогда проблема «снимается» сама собой и античная история оказывается наполненной антисемитизмом. С точки зрения автора данной работы, такой подход ни в малейшей мере нельзя назвать научным, ибо уводит от изучения реальных фактов в область политизированных эмоций современности. Кроме того, как будто бы не требует доказательств и то, что ни один человек, ни одна группа не могут считать себя стоящими вне критики и безгрешными.

риода, работающих на земле или в мастерских, имели минимальные шансы вообще что-либо знать об иудеях, не говоря уже о том, почему, собственно, отдельные представители пищевой элиты могли по каким-то своим личным причинам высказывать в адрес иудеев критические замечания.

Почему об этом можно говорить уверенно? Общеизвестен тот факт, что общины диаспоры были распространены в античном Средиземноморье очень широко. Если следовать стереотипам современности, отсюда можно сделать вывод о том, что с иудеями были знакомы повсеместно. Подобный вывод будет не совсем оправдан, ибо, за исключением особо крупных городов, иудейские общины были малочисленны и, как правило, совершенно не заинтересованы активно заявлять о себе, привлекая внимание к своим нуждам. Справедливо и обратное утверждение. Особенности жизни и культуры *любых* общин инородцев с Востока где-либо в Греции, Италии или Северной Африке просто не представляли интереса для граждан города, если, конечно, не возникало конфликтных ситуаций, которые не были частыми и повсеместными.

В языческой античности полностью отсутствовало столь характерное для наших дней болезненно пристрастное внимание к иудеям и иудейскому. Именно в этом отношении принципиально не правы некоторые современные исследователи, подходящие к вопросу о положении иудеев в языческой античности так, словно у грека и римлянина размышления об иудеях и иудейской культуре составляли одно из важнейших проявлений интеллектуальной деятельности и повседневных забот.

Отметим далее, что в дохристианскую эпоху любое отношение к иудеям было в римском обществе личным делом каждой отдельно взятой личности, ибо в языческие времена никакой общегосударственной политики в этом вопросе не было и не могло быть. (Отдельные факты, которые можно воспринять как государственное преследование иудеев — политика Антиоха IV, некоторые факты истории Птолемеевского Египта или погром в Александрии в 38 г., несколько изгнаний иудеев из Рима, — требуют отдельного осмысления в каждом случае, но не складываются в какую-либо систему гонений хотя бы потому, что относятся к разным странам и разным историческим периодам.)

Лишь в связи с победой христианства как идеологии в отношении общества к иудеям начинает проявляться нечто принципиально новое. Многократно повторяющиеся у отцов церкви рассуждения о вине иудеев за богоубийство и за то, что в Иисусе они не увидели

мессию, создали новую идею, которая объединила все разнообразные проявления аристократической ксенофобии к иудеям предшествующей эпохи. Иными словами, лишь с победой христианства в общественной жизни создается база для развития в последующем антисемитизма, так как была изобретена идея, за что, собственно, «следует» не любить иудеев. Римское же языческое общество «изобрести» такую идею оказалось, к счастью, не в состоянии.

Появление же соответствующей идеи в христианское время объединило не только интеллектуалов, но и практически все население, ибо в Восточной Римской империи столкновения на конфессиональной почве между христианами и иудеями, а также погромы становятся достаточно частым явлением.

Заявляя об отсутствии антисемитизма в античности, автор совершенно не стремится утверждать, что открыл нечто принципиально новое. Сходные идеи разрабатывались и разрабатываются гебраистами разных стран (от Израиля до США), придерживающимися скорее европейской системы ценностей и не стремящимися к резкому противопоставлению самих себя и европейской, христианской культуры (к примеру, Д. Асковиц, Л. Шифман, Ш. Коен)⁹. Автору, естественно, известна и иная точка зрения (самые яркие представители — С. Я. Лурье, Г. Алон) по вопросу об отношении к иудеям со стороны язычников. Вопрос же о том, какая из них более правильна — всегда ли иудеи были преследуемым и гонимым народам, всегда ли они сталкивались с враждебностью окружающего общества, — не решается столь однозначно, как хотелось бы представителям радикальных взглядов. Для каждой эпохи и даже каждого региона следует говорить лишь о преобладающей тенденции во взаимоотношениях окружающего общества и иудеев. Иное следует назвать подгонкой источников под собственные взгляды, примеров чему, к сожалению, не так мало.

Что же касается языческой античности, то ввиду отсутствия общей идеи, которая могла бы объединить ксенофобии отдельных авторов в нечто универсальное и по-настоящему общественно значимое, мы не можем говорить о преобладании враждебного (антисемитского, по выражению некоторых авторов) отношения к иудеям в римском обществе в целом. Как уже отмечалось выше, антииудейские выпады некоторых авторов языческого периода являются эмоциями отдельно взятого человека, не имеющими общественного значения.

⁹ Подробности см. ниже, в обзоре историографии.

Наконец несколько слов о принципах использования источников, которых придерживается автор. Греческие и латинские авторы языческого времени, раннехристианская литература и византийские авторы IV–VI вв. используются чаще всего в традиционных, академических по духу немецких и французских (реже — английских) изданиях. Последнее, однако, не исключает обращения к известной, существующей ныне на английском и русском языках хрестоматии М. Штерна «Греческие и латинские авторы о евреях и иудаизме». Русский вариант этого издания, несмотря на встречающиеся ошибки в переводах и нарочито архаизирующий стиль многих переводов, следует считать положительным явлением в научной жизни¹⁰. Издание ценно качественными воспроизведениями оригинальных текстов, комментариями самого М. Штерна, прекрасно знавшего материал, наконец обилием ссылок на научную литературу и тем, что дает заинтересованному читателю возможность сориентироваться и разобраться в материале. Отметим также, что использование английского издания М. Штерна является нормой для современных западных работ по проблемам истории иудеев римского периода.

За редкими исключениями, отмеченными специально, все переводы из греческих и латинских источников сделаны автором. Иное относится к цитатам из стихотворных произведений. В тех случаях, когда автор работы находил перевод, с эстетической точки зрения нравящийся ему больше, чем собственный вариант, выбор делался в пользу того перевода, который представлялся лучшим.

2

Рассмотрение основных проблем истории иудеев в рамках Римской республики, империи и ранней Византии следует начать с нескольких замечаний историко-этнографического характера, ввиду того что в понятие «еврей» («иудей»¹¹) вкладывается очень разное содержание.

¹⁰ Так например, Либаний в русском переводе М. Штерна по воле переводчиков иногда говорит языком рубежа XVIII–XIX вв.: «Да и кто бы не закручинился, что таковой народ таково долго страждет?» (Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. Введение и комментарии М. Штерна. Русское издание под научной и литературной редакцией Н. В. Брагинской. Т. II. Часть вторая. От Диогена Лаэртского до Симпликия. М., 2002. С. 248.) В научных сочинениях, не посвященных русской литературе соответствующих веков, подобные стилистические изыски представляются излишними.

¹¹ В современном русском языке термин «иудей» имеет скорее этноконфессиональный оттенок, обозначая последователя иудаизма, а термин «еврей» является скорее чистым этнонимом. Однако же строгого разграничения между этими терминами нет.

Современным антропологам и этнографам давно известна гетерогенность евреев. Иными словами, на антропологическом уровне такого понятия, как «еврей», не существует. Современные адепты иудаизма представлены различными группами, заметно различающимися между собой по своим физическим признакам¹².

В конечном счете это означает, что этническое единство евреев, бесспорно существовавшее во времена Единого царства Давида и Соломона, оказалось безвозвратно утраченным, причем очень давно. *Евреи сохранили язык и самобытную культуру ценой утраты этнического единства, что объясняется особенностями их истории.* Действительно, рассеяние не могло не сопровождаться смешанными браками¹³, так же как и прозелитизм, масштабы которого мы не имеем возможности оценить, не мог не сопровождаться привлечением в общину новых членов, *не являвшихся этническими евреями.*

В какой-то степени мы можем представить себе, как это происходило. Совпадение в еврейской культуре этнического и конфессионального вело закономерно к тому, что прозелит, принявший иудаизм и вошедший в общину, начинал *считаться евреем.* Однако же такой человек *продолжал, естественно, и далее оставаться* представителем определенного этноса, принявшим иудаизм. Эти процессы, шедшие медленно, ибо обращение язычников в иудаизм не было очень частым явлением, и приводили к постепенному размыванию этнического единства древних евреев. Этому же способствовали по понятным причинам и смешанные браки. *Однако не менее важно отметить, что и прозелитизм, и смешанные браки на культуре евреев не сказывались.* Дело в том, что *принимавший иудаизм принимал именно обычаи, веру и язык, которые и так поддерживались веками.*

Логично предположить, что процесс утраты этнического единства, присущего евреям на древнем Ближнем Востоке, начинается с вавилонского плена, развивается в эпоху эллинизма и, вероятнее всего, доходит до логического конца к началу Средних веков, когда

¹² См., например: *Comas J. Les mythes raciaux.* Paris, 1951. В русском переводе: *Комас Х. Расовые мифы.* В кн.: *Расовая проблема и общество.* М., 1957. С. 228–237. О совпадении антропологических типов евреев с местным населением тех стран, где евреи проживают, писал также Я. Рогинский, автор заметки в первом издании БСЭ. *Евреи.* I. Антропологический очерк. (Цит. по кн.: *Евреи. История по Брокгаузу и Бухарину.* М.; СПб., 2003. С. 136–138).

¹³ Регулярность запретов в законодательстве христианских императоров Римской империи (IV–VI вв.) браков между евреями и христианами уже само по себе показывает обычность таких браков. Не столь уж редки были и браки между евреями и язычниками в дохристианские времена (см. подробно: *Juster J. Les Juifs dans l'Empire Romain. Leur condition juridique, économique et sociale.* Tome second. Paris, 1914. P. 42–48).

история евреев окончательно становится историей адептов иудаизма, проживающих в той или иной стране (регионе) и объединенных языком, культурой и обычаями. Однако, видимо, уже и в отношении той эпохи уместно говорить о *еврейской цивилизации* — особом типе культуры, объединяющем представителей различных социальных и этнических группировок. *Отмеченные процессы утраты этнического единства евреев составляют основу истории адептов иудаизма в рамках истории Римской империи.*

Это явление было отмечено уже античными авторами. Первые достаточно ясно выраженные мысли о том, что приверженец иудаизма — совершенно не обязательно этнический иудей, встречаются у знаменитого римского поэта Горация (65–8 гг. до н. э.) и отражают ситуацию, с которой сам поэт сталкивался в Риме в годы гражданских войн после смерти Цезаря (44 г. до н. э.)¹⁴. Иудейская тематика сама по себе Горация не очень занимала, однако используемые им сравнения говорят о многом. Четвертая сатира первой книги завершается (Hor. *Serm.*, I, 4, 139–143) словами о том, что если друг поэта не отнесется снисходительно к его стихам, то появится толпа поэтов, которые вступятся за Горация и, подобно иудеям, принудят того, кому адресована сатира, вступить в их сообщество (*ac veluti te Iudaei cogemus in hanc concedere turbam*). Уже давно стало общим местом видеть в этом сравнении Горация указание на успешную миссионерскую деятельность иудеев в Риме¹⁵.

В девятой сатире той же первой книги Гораций описывает (Hor. *Serm.*, I, 9, 60–78) встречу со своим знакомым, римским поэтом Аристом Фуском. Оба римских литератора обмениваются шутивными репликами, среди которых нельзя не заметить слов и о празднике субботы, и об обрезании иудеев как о вещах, хорошо знакомых обоим поэтам. Это свидетельствует о том, что в среде образованных римлян, к которой принадлежали оба поэта, было не так уж мало «иудействующих». Но предположение о том, что Аристий Фуск или Гораций могли иметь иудейские корни, антиисторично¹⁶.

¹⁴ Сатиры написаны между 41 и 33 гг. до н. э. См.: *Horaz. Satiren und Episteln. Auf der Grundlage der Übersetzung von J. K. Schönberger, Lateinisch und Deutsch von O. Schönberger.* Berlin, 1976. S. 14 (Schriften und Quellen der Alten Weltm Band. 33).

¹⁵ Подр. см.: *Feldman L. H. Jews and Gentile in the Ancient World. Attitudes and Interactions from Alexander to Justinian.* Princeton, 1993. P. 299.

¹⁶ Как справедливо замечает М. Штерн (Штерн, 1997. С. 323–324), любые рассуждения об иудейском происхождении самого Горация совершенно безосновательны. Отметим также, что иудеи никогда не были и не могли быть заметной политической силой в столице. См.: *Leon H. J. The Jews of Ancient Rome,* Philadelphia, 1960. P. 8.

3

Следующее бесспорное свидетельство существования приверженцев иудаизма среди неиудеев встречается у Светония. Рассказывая о Домициане (81–96 гг.) и о том, как во время его правления взимался иудейский налог, биограф пишет (Domitianus, 12, 2), что налог взимался как с тех, кто не сознавался в жизни по иудейским нормам, так и с тех, кто скрывал свое происхождение (qui velut inprofessi Iudaicam viverent vitam, vel dissimulata origine...). Комментаторы единодушны в том, что здесь имеются в виду как иудеи, так и живущие по иудейским нормам представители других народов¹⁷.

Определеннее других высказывался по этому вопросу Дион Кассий (III в.). Рассказывая в 37-й книге о событиях, происходивших в Палестине в I в. до н. э., историк приводит небольшое отступление этнографического характера об иудеях и особенностях их жизни (XXXVII, 17, 1):

ἡ δὲ ἐπίκλησις αὐτῆ ἐκείνοις μὲν οὐκ οἶδ' ὅθεν ἤρξατο γενέσθαι, φέρει δὲ καὶ ἐπὶ τοὺς ἄλλους ἀνθρώπους ὅσοι τὰ νόμιμα αὐτῶν, καίπερ ἄλλοεθνεῖς ὄντες, ζηλοῦσι, καὶ ἔστι καὶ παρὰ τοῖς Ῥωμαίοις τὸ γένος τοῦτο, κολουσθὲν <μὲν> πολλακίς, αὐξηθὲν δὲ ἐπὶ πλείστον, ὥστε καὶ ἐς παρρησίαν τῆς νομίσεως ἐκνικῆσαι («Я не знаю, откуда взялось это их прозвание¹⁸, распространяется же оно и на других людей, которые, даже будучи другого народа, соблюдают их обычаи. И у римлян¹⁹ есть этот род людей. Он часто был угнетаем, однако же существенно увеличился, так что отвоевал возможность жить по своим обычаям²⁰».)

О людях, придерживающихся иудейского образа жизни, но не являющихся иудеями, Дион Кассий упоминает еще дважды. Описывая преследования высшей знати при Домициане, историк утверждает, что осуждению подверглись среди прочих многие другие, перенявшие иудейские обычаи (LXVII, 14, 2). Чуть ниже, при описании правления Нервы (96–98 гг.), Дион Кассий упоминает об официальном запрете на обвинение в иудейском образе жизни (LXVIII, 1, 2). Это можно расценивать как фактическое признание законности прозелитизма.

¹⁷ Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. Введение и комментарии М. Штерна. Русское издание под научной и литературной редакцией Н. В. Брагинской. Т. II. Ч. I. От Тацита до Артемидора. М., 2000. С. 127.

¹⁸ Речь идет об этнониме «иудеи».

¹⁹ В данном случае это следует понимать — «среди жителей города Рима».

²⁰ Последние слова являются важным свидетельством широкого распространения прозелитизма при жизни Диона Кассия (первая треть III в. н. э.).

Мы не знаем точной численности евреев в древности ни в Палестине, ни в диаспоре. Если говорить о Палестине, то фактически мы можем лишь указать максимально и минимально реалистичные цифры, понимая, что реальная численность евреев в Святой земле в римский период где-то между этими величинами. *Максимально возможная цифра для римского времени — несколько меньше 3 млн, минимально возможная цифра — несколько менее одного миллиона человек*²¹.

Ориентировочные оценки позволяют также говорить о том, что площадь обрабатываемой земли в Палестине римского и византийского времени могла составить 700–750 тыс. га²². Соотношение же городского и сельского населения в Палестине в римский и ранневизантийский период, видимо, было одинаковым 1 : 3 (треть городского населения — две трети сельского)²³. Это позволяет с известной долей правдоподобия говорить о следующем. Число городских жителей Палестины I–II вв. могло колебаться от 600 тыс. до 1 млн человек. Сельское же население составляло от 1,5 до 2 млн человек. Можно ли что-то сказать о динамике численности населения Палестины в целом? Многие косвенные данные позволяют считать, что численность населения Палестины после восстания Бар Кохбы уменьшилась. Мы не знаем точно, в каких именно цифрах это выражалось. Отметим лишь, что О. Г. Большаков с осторожностью оценивает возможную численность населения Палестины в V–VII вв. в 1,2–1,3 млн человек²⁴.

²¹ Максимально возможная цифра получается в том случае, если принять на веру — в принципе это возможно — утверждение Иосифа Флавия (Bel. Jud. VI, 425), что количество празднующих Пасху перед Иудейской войной составляло 2 млн 700 тыс. человек. О проблеме в целом см., например: Broshi M. The Population of Western Palestine in the Roman-Byzantine Period // BASOR. N. 236. 1979. P. 1–10; Broshi M. The Role of the Temple in the Herodian Economy // JJS. 1987. Vol. 38. N. 1. P. 37. См. также: Tchirikover V. Hellenistic Civilization and the Jews. Philadelphia, 1959. P. 292–293. Byatt A. Josephus and population numbers in first century Palestine // PEQ. 105. January-june. 1973. P. 51–59.

²² См. подробно: Broshi M. The Role of Temple in the Herodian Economy // JJS. 1987. Vol. 38. N. 1. P. 32, 37.

²³ Broshi M. The Population of Western Palestine in the Roman-Byzantine Period // BASOR. 1979. N. 236. P. 5.

²⁴ Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока VII — середина XII вв. М., 1984. С. 136.

Информации о численности евреев за пределами Палестины (в диаспоре) в римское время еще меньше, и давать однозначные оценки здесь вряд ли возможны. Предположительно их численность достигала 1,5–2 млн. Большая их часть проживала в Египте, Малой Азии и Сирии. Данных, позволяющих называть какие-либо конкретные цифры численности иудеев за пределами Палестины, крайне мало. Максимальное их количество — если брать отдельный конкретный регион — проживало в Египте. Население долины Нила в римское время составляло ориентировочно 7 млн человек²⁵. Обычно считается, что численность евреев в античном Египте составляла примерно 1 млн человек, хотя цифра эта, вероятнее всего, весьма преувеличена²⁶. В Александрии могло проживать около 200 тыс. иудеев²⁷. Мы можем также утверждать, что за пределами Александрии количество иудеев в каждом отдельно взятом населенном пункте было весьма незначительным.

Судя по всему, около 20 тыс. евреев проживало в крупнейшем городе Ближнего Востока — в Антиохии²⁸. Относительно достоверная информация есть также об их количестве в Риме. Ж. Жюстер писал²⁹ о том, что в главном городе империи количество евреев мог-

²⁵ Сведения о количестве населения в античном Египте сообщают два автора. У Диодора (I, 31, 8) — это 7 млн. В другом месте (XVII, 52) Диодор определяет численность населения Александрии в 300 тыс. человек. У Иосифа Флавия (Bel. Jud. II, 385) население Египта определено в 7,5 млн, не считая населения Александрии. У Иосифа Флавия нет информации ни о численности населения Александрии в целом, ни о численности еврейского населения в ней в частности.

²⁶ Единственным основанием для этого является конец гл. 6 сочинения Филона Александрийского «Против Флакка», где автор утверждает, что в Александрии и Египте в целом живет не менее 1 млн человек. Далее возникает вопрос, насколько можно доверять этим данным, особенно если учесть, что Филон далеко не беспристрастен? Если учесть апологетический характер всего творчества Филона, то вряд ли можно будет принимать это свидетельство на веру. См. также: *Tcherikover V. Prolegomena // Corpus Papyrorum Judaicarum. Vol. I. Edited by V. Tcherikover in collaboration with A. Fuks. Cambridge, 1957. P. 4.*

²⁷ Точная численность населения античной Александрии нам неизвестна, как неизвестна и точная численность населявших Александрию иудеев. С уверенностью можно говорить лишь о том, что Александрия входила в четверку крупнейших городов античного Средиземноморья, насчитывавших более 100 тыс. населения (Рим, Константинополь, Антиохия, Александрия). Все имеющиеся источники позволяют также утверждать, что именно в Александрии проживало максимальное для одного города древнего Средиземноморья количество иудеев. (Наиболее здравым подходом к вопросу о численности евреев в античном Египте и Александрии являются взгляды В. Чериковера — *Tcherikover V. Hellenistic Civilization and the Jews. Philadelphia, 1959. P. 286–287, 293–295.*)

²⁸ *Левинская И. А.* Указ. соч. С. 239.

²⁹ *Juster. Op. cit. P. 209. Note 12.*

ло составлять 50–60 тыс.³⁰ Однако источники, на которые он ссылается, допускают разные варианты истолкования³¹, а позиция самого Ж. Жюстера имеет слабое логическое обоснование. Правда, отмеченные источники позволяют — вне зависимости от неясных до конца деталей — говорить о том, что количество евреев в античном городе Риме действительно могло исчисляться десятками тысяч (возможно, около 20 тыс.).

Что касается иудействующих — греков и римлян, по тем или иным причинам частично принимавших нормы иудаизма, но в основном в иудаизм не обращавшихся, — то их числа мы тоже не знаем. Однако именно потому, что иудействующие представляли — как будет показано ниже — серьезную проблему для римского общества, можно, видимо, считать, что таковых было в общей сложности несколько миллионов человек.

Завершая этнографическую часть введения, отметим, что применительно к античности можно употреблять, заранее обговорив смысловую нагрузку, как термин «еврей», так и «иудей». Последний, правда, предпочтительнее именно потому, что позволяет уйти от опасного соблазна приравнять евреев древних к евреям современным, ибо разница между одними и другими — как в антропологическом и этнографическом смысле, так и в том, что касается культуры, — огромна. Именно поэтому автор всюду ниже придерживается термина «иудей», считая такой подход более научным.

4

В связи с тем что ниже рассмотрены основные данные источников по экономике Палестины римского и византийского времени, здесь представляется необходимым отметить изменения границ Палестины с I до VII в. н. э., а также существующие на ее территории географические, историко-культурные и экономические зоны.

³⁰ Свои умозаключения Ж. Жюстер основывает на сообщениях источников по поводу высылки иудеев из Рима при Тиберии либо за пределы Италии, либо на принудительную военную службу. Ж. Жюстер исходил при этом из идеи — в принципе допустимой, но никак в тексте не обоснованной, что отправленные на военную службу 4000 человек (цифра есть у Тацита — *Ann. II, 85*) составляли всю иудейскую молодежь Рима. Отсюда делается вывод, что общее количество иудеев в Риме должно было составить 50–60 тыс. Видимо, Ж. Жюстер полагал, что молодежь, годная для службы в армии, должна была составлять по численности примерно одну пятнадцатую от общего числа иудеев в Риме.

³¹ *Suet., Tib., 36; Tac. Ann. II, 85; Fl. Jos. XVIII, 81–84.*

Вопрос об исторических и географических границах Палестины и прост, и сложен одновременно. Прост он в том смысле, что физическая география Святой земли изучена уже давно и описана многократно. Сложность же вопроса будет заключаться в том, что под Палестиной разными исследователями понимается не всегда одна и та же территория³². Последнее же объясняется тем, что границы Палестины как административно-территориальной единицы в составе Римской империи и Византии совпадают не полностью.

В современной исторической географии при определении границ Палестины как историко-географической области принято исходить из реалий Библии. Иными словами, под Палестиной понимается территория, ограниченная с запада Средиземным морем; с севера — Нахр ал-Касимийе, т. е. водоразделом между холмами Галилеи и Хермоном; с востока — Иорданом и Мертвым морем. Незначительная часть областей Заиордания, расположенных севернее Мертвого моря, также входила в состав географической Палестины в связи с тем, что здесь проживала восточная группа древнеизраильских племен — Реувен, Гад и Менассе³³. Позже, с эллинистического времени, эта область называлась Перея. Несколько менее определенной является южная граница географической Палестины. С одной стороны, рубежами здесь являются южная оконечность Мертвого моря и вади 'Араба, т. е. разграничение между Палестиной, Моавом и Эдомом. С другой стороны, если следовать вдоль приморской полосы на юг, такой границей будет вади ал-Ариш, естественная восточная граница Синая.

В этой работе именно такие границы имеются в виду при рассмотрении материала, относящегося к Палестине I в. н. э.³⁴

³² Так, не может не вызвать удивления одна из карт в серьезном исследовании о бедности и благотворительности в римской Палестине (*Hamel G. Poverty and Charity in Roman Palestine, First Three Centuries C. E.* Los Angeles; Oxford, 1989. P. 150. University of California Press. Near Eastern Studies. Volume 23), где в состав Палестины оказываются включенными Финикия, значительная часть Сирии и вся территория провинции Аравии.

³³ См. подробно: *Abel F.-M. Géographie de la Paléatine. Tome II. Géographie politique. Les villes.* Paris, 1938. P. 69–72.

³⁴ Ср., например, карту Палестины у Битенхарда (*Bietenhard H. Die syrische Decapolis von Pompeius bis Traian // ANRW. 2, 8.* Berlin; New York, 1977. P. 224, вкл.). Из карты видно, что немецкий исследователь придерживался тех же взглядов в вопросе определения границ Палестины. Здесь представляется необходимым отметить также следующие два момента. Выбор в качестве ориентира географических границ в чем-то является догматизмом, ибо тем самым отсекаются территории, формально относящиеся к соседним провинциям, но объединенные с Палестиной культурно-историческими связями. Однако

Административно-территориальные изменения границ Палестины в римское и византийское время были сложными. Достаточно долго политико-правовая организация пространства в Палестине при римлянах была несколько неопределенной из-за сосуществования в Палестине национальной царской власти (Ирод и его преемники) и римской провинциальной администрации с 6 г. н. э. До взятия Иерусалима Титом в 70 г. н. э. на территории географической Палестины отдельной административной единицы римского государства в полном смысле слова не было: Палестина формально составляла часть провинции Сирии, находясь с 6 г. н. э. под «надзором» прокуратора, который, в свою очередь подчинялся легату Сирии. Если же говорить по существу, то в это время, до Иудейской войны, римляне в Палестине предпочитали действовать опосредованно — через Ирода и его преемников, а также через многочисленных этнархов и тетрархов, сохранявшихся на востоке Палестины и в областях Заиордания и вытеснявшихся с политической сцены достаточно медленно.

Лишь после взятия Иерусалима в 70 г. н. э. на территории Палестины была образована отдельная провинция Иудея, отнесенная к числу императорских и управлявшаяся сенатором преторианского ранга. Политическое устройство областей Заиордания обрело определенность и стабильность после 106 г., когда в результате аннексии Набатей и Синая, области Заиордания и Южная Сирия составили провинцию Аравию.

До 117–120 гг. на территории Иудеи размещался один легион, затем все последующее время — два. После подавления восстания Бар Кохбы провинция получила новое название — Палестина Сирийская. Провинция по-прежнему относилась к императорским, но управлялась легатом в звании консула (с 120 г.).

Административные границы Палестины в римское время могут быть описаны следующим образом³⁵:

же географический догматизм, как кажется, лучше культурно-исторического, когда — как будет показано ниже — из-за бесспорных в принципе культурно-исторических связей в разряд палестинских городов относят много таких, которые с ней, по сути, никак не связаны. Что же касается данной работы, то в ней географический догматизм является не всегда достижимым идеалом. Так, основные папирусные находки, рассматриваемые ниже и дающие нам возможность судить о повседневной жизни деревни с еврейско-набатейским населением, происходят с территории провинции Аравии, с той ее части, которая вошла в состав Палестины Третьей, но лишь в ранневизантийское время.

³⁵ Описание границ между провинциями делается на основе письменных источников (чаще всего — это надписи), позволяющих определить административно-территориальную принадлежность того или иного пункта. Несмотря на очевидную сложность определения линий границ и неизбежную их приблизительность, сопоставление карт, при-

— южная граница, граница с провинцией Аравией, шла от западного берега Мертвого моря, примерно от Масады, и далее почти по прямой линии, несколько севернее Беершевы, в направлении Риноколуры;

— восточная граница, опять же с провинцией Аравией, шла от восточного берега Мертвого моря, примерно от устья Арнона (вади Муджиб), на северо-восток под незначительным углом к Иордану. При этом к Палестине относились следующие города области Десятиградья (Декаполиса) — Дион, Пела, Гадара. В III в. линия разграничения между провинциями Аравия и Палестина была слегка сдвинута к западу. В результате она шла почти параллельно Иордану;

— точное направление северной границы провинции, границы с Финикией и Сирией, нам неизвестно. Ясно лишь, что оно близко к географическому, т. е. шло с запада на восток несколько севернее Тивериадского озера, начинаясь немного южнее финикийского порта Птолемаида.

Именно такие границы имеются в виду в этой работе при рассмотрении материала, относящегося к Палестине римского времени, к расположенным на ее территории провинциям Иудея и Syria Palestina и соседствующей с Палестиной провинции Аравией.

Последующие серьезные изменения в административно-территориальном устройстве провинции относятся уже к ранневизантийскому времени³⁶. В результате целой серии административно-терри-

водных различными исследователями, показывает, что погрешность в «вычислении» границ между провинциями невелика. О разграничении между провинциями Палестина и Аравия см., например: *Bowersock G. W. Roman Arabia*. Harvard; Cambridge; London, 1983. P. 90–109. Что касается карт региона и разграничения между провинциями, см.: *Sartre M. Trois études sur l'Arabie romaine et byzantine*. Bruxelles, 1982. Cartes 2–4; *Abel F.-M. Géographie de la Palestine*. Tome II. Géographie politique. Les villes. Paris, 1938. Carte X; *Sperber D. Roman Palestine*. 200–400. The Land. Crisis and change in agrarian society as reflected in rabbinic sources. Ramat-Gan, 1978. P. 12. На прекрасных картах, сопровождающих работу Ф. Миллара (*Millar F. The Roman Near East 31 BC — AD 337*. Cambridge Mass., London, 1993), границы провинций не обозначены.

³⁶ Политическая история римской Палестины изучена давно и описана во множестве работ. Поэтому приведем лишь несколько ссылок — *Sartre M. L'Orient Romain. Provinces et sociétés en Méditerranée Orientale d'Auguste aux Sévères (31 avant J.-Chr. — 235 après J.-Chr.)*. Paris, 1991. P. 358–391; *Millar F. The Roman Near East 31 BC — AD 337*. Cambridge Mass., London, 1993. P. 337–386. См. также *Goodman M. The ruling class of Judaea. The origins of the jewish revolt against Rome A. D. 66–70*. Cambridge, 1987, где проанализированы все стороны взаимоотношений Рима и иудеев в I в. н. э. Много полезной информации по этому вопросу содержит также обновленное издание первого тома работы Э. Шюрера. — *Schürer E. The History of the Jewish People in the Age of Jesus Christ (175 B. C. — A. D. 135)*. A new English version revised and edited by G. Vermes and F. Millar. Vol. I. Edinburgh, 1973.

ториальных реформ в III–IV вв., не имевших, похоже, под собой особого логического смысла, кроме административного усердия, территория Палестины была разделена на три провинции, а территория провинции Аравии — значительно сокращена³⁷.

Вся южная часть провинции Аравии, т. е. территория Заиордания, южнее вади Муджиб, а также вся территория южнее линии Масада–Беершева–Риноколура и Синайский полуостров составили провинцию Палестину Третью с административным центром в Петре. Галилея, самая северная область географической Палестины, а также западный сектор Декаполиса составляли в ранневизантийское время провинцию Палестину Вторую с административным центром в Бетше'ане (Скифополисе). Центральный район географической Палестины — т. е. территория севернее линии Масада–Беершева–Риноколура, вплоть до Галилеи, а также район Заиордания, соответствовавший территории расселения древнеизраильских племен Реувен, Дан и Менассе, составляли провинцию Палестину Первую с административным центром в Кесарии. Все три палестинские провинции ранневизантийского времени входили в так называемый диоцез Восток³⁸.

Именно такие провинции имеются в виду всюду ниже при рассмотрении материала, относящегося к Палестине византийского времени.

Рассмотрим теперь подробнее историко-географические структуры, собственно Палестины. По всей работе автор придерживается принципов подхода к исторической географии Палестины, определившихся во французской исторической науке, когда территория Святой земли делится либо на физико-географические, либо на исторические зоны. Англо-американский и отчасти немецкий принцип подхода, когда Палестина по течению Иордана делится на западную и восточную, представляется искусственным³⁹.

³⁷ Об этих реформах см. подробно: *Грушевой А. Г. История формирования византийской провинции Палестина Третья // Вв. Т. 51. 1990 (М., 1991). С. 124–131.*

³⁸ О разделении империи на диоцезы см., например, *Jones A. H. M. The Later Roman Empire. 284–602. A Social, Economic and Administrative Survey*. Vol. I. Baltimore, 1986. P. 47–48.

³⁹ Так, в частности, построено изложение у Г. А. Смита во многочисленных томах серий *A Survey of Western Palestine; A Survey of Eastern Palestine (Smith G. A. The Historical Geography of the Holy Land especially in relation to the history of Israel and of the early church*. London, 1898; *Conder C. R., Kitchener H. H. The survey of Western Palestine. Memoirs of the topography, orography, hydrography and archaeology*. Vol. I. Sheets I–VI. Edited with additions by E. H. Palmer and W. Besant, London, 1881). В литературе встречаются и иные принципы подхода к исторической географии Палестины, лежащие все же за пределами

В чисто географическом отношении Палестина делится при движении с запада на восток на следующие четыре зоны:

- приморская (прибрежная) равнина⁴⁰;
- прибрежная горная цепь⁴¹;
- срединная «депрессия» с многочисленными озерами, реками и источниками воды⁴²;
- восточный горный барьер, переходящий к востоку в степь и пустынную степь⁴³.

При движении с севера на юг Палестина делится на четыре исторические области, особенности экономической жизни которых освещены в источниках и научной литературе неодинаково. Это Галилея⁴⁴, Самария⁴⁵, Иудея⁴⁶, Неgev⁴⁷.

Особого внимания заслуживает также вопрос об экономических зонах на территории Палестины в римское и ранневизантийское время, об особенностях хозяйственной жизни в каждой из этих зон, а также о Палестине в рамках средиземноморских и мировых для того времени торговых связей.

Выделение экономических зон в Палестине труда не представляет, ибо в целом они совпадают с уже упомянутыми естественно-географическими зонами на ее территории. Это:

- *приморская* — представленная целым рядом портовых городов, являвшихся крупными центрами средиземноморской и мировой торговли;
- *центральная*, являющаяся основной сельскохозяйственной зоной в Палестине вследствие обилия здесь водных источников;

науки. Так, в известной работе Э. Шюрера — помимо естественного разделения Палестины на историко-географические зоны — встречается и следующее утверждение (*Schürer E. The History... Vol. I. P. 56*). Автор в отмеченном месте дает понять, что, согласно его точке зрения, собственно Палестиной являются внутренние области с преобладанием еврейского населения, тогда как греческие города (т. е. приморская зона и Десятиградье) образовывали «окрестности, внешнюю среду» Палестины. Такой подход возможен, но представляется непродуктивным, ибо Палестина — это прежде всего понятие историко-географическое, и лишь постольку-поскольку этнокультурное. Иными словами, история и культура любой многонациональной страны никогда не сводится к истории и культуре только одного из населяющих ее народов.

⁴⁰ См. подробно: *Abel F.-M. La Géographie... Vol. I. P. 2–5; 94–98.*

⁴¹ См. подробно: там же. P. 5–8.

⁴² См. подробно: там же. P. 8–11; 79–88; 93–94.

⁴³ См. подробно: там же. P. 11–16.

⁴⁴ О Галилее см. подробно: там же. P. 59–62, 69–70, 75–76.

⁴⁵ О Самарии см. подробно: там же. P. 62–63, 70–71, 76–78.

⁴⁶ Об Иудее см. подробно: там же. P. 65–66, 71–72, 78–89.

⁴⁷ О Негеве см. подробно: там же. P. 65–66, 71–72.

— *аридная*, или полупустынная, зона интенсивного сельскохозяйственного производства лишь некоторых культур, годных для выращивания в засушливом климате (полупустынный Неgev и районы, прилегающие к Мертвому морю).

Условия для хозяйственной деятельности человека в центральной и полупустынной экономических зонах Палестины были весьма различными, что определялось условиями климата в целом и неравномерностью распределения водных ресурсов в различных историко-географических областях Палестины. По-настоящему плодородной и выгодной для занятия сельским хозяйством в Палестине во все века была только Галилея. Климатические же и гидрологические условия южных районов (Неgev) позволяли — правда, небезуспешно — выращивать лишь определенные сельскохозяйственные культуры, например (как явствует из папирусов архива Бабагы), финиковые пальмы различных сортов.

Оглавление

Введение	5
Глава 1 ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ (общие замечания)	
1. Источники	26
2. Зарубежная историография	35
3. Российская и советская историография	53
Глава 2 ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРВОГО ПЕРИОДА РИМСКО-ИУДЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ	
1. От восстания Маккавеев до династии Хасмонеев	70
2. Иудеи в дельфийских манумиссиях	75
3. Первый конфликт Рима и адептов иудаизма	77
4. От начала правления династии Хасмонеев до возвышения Ирода Великого	81
5. Ирод Великий и его правление	101
6. Развитие событий от смерти Ирода Великого до поражения восстания Бар Кохбы	116
7. Римские прокураторы в Иудее I в. н. э.	136
8. Восстание Бар Кохбы	138
9. Итоги	141
Глава 3 ИУДЕИ И ИУДАИЗМ В РИМСКОМ ПРАВЕ (I в. до н. э. — I в. н. э.)	
1. Предпосылки оформления политико-правовых взаимоотношений с Римом и источники информации по этому вопросу	146
2. Конфликтные ситуации в Малой Азии	156
3. Ответы римских властей на петиции	164
4. Итоги	170
Глава 4 ИУДЕИ И ИУДАИЗМ В РИМСКОМ ОБЩЕСТВЕ И ГОСУДАРСТВЕ — ПРИТЯЖЕНИЕ И ОТТОРЖЕНИЕ	
1. Иноземец в рамках Греко-римской культуры	188
2. Отношение к иудеям и иудаизму языческого римского общества	190
3. Иудейская литература на греческом языке	194

4. Отношение в римском обществе к христианству, иудаизму и в целом к экзотическим восточным культурам.....	205
5. Влияние античной культуры на образ жизни иудеев. Греческие и латинские слова в древнем иврите	208
6. Попытки определения антисемитизма и антиисторичность большинства из них	219
7. Виды и формы антииудейских настроений.....	222
8. Антииудейские настроения римских писателей.....	225
9. Итоги	237

Глава 5
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ПАЛЕСТИНЫ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ
(II в. до н. э. — II в. н. э.)

1. Экономическая жизнь приморской зоны Палестины.....	243
2. Экономическая жизнь внутренних областей Палестины.....	248
3. Виды земельной собственности в Палестине римского времени	252
4. Общая оценка экономической жизни Палестины.....	262
5. Жизнь «ам-ха'арец» в свете папирусных источников I–II вв.	264
6. Сопоставление с соседними регионами	282

Глава 6
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВТОРОГО ПЕРИОДА
РИМСКО-ИУДЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

1. Предварительные замечания.....	291
2. Традиционное изложение историй о патриархах и законоучителях II в. Иудеи и римская власть	299
3. Информация традиционного характера о патриархате как общественном институте.....	309
4. Законоучителя II в. н. э. и Рим.....	313
5. Традиционное изложение историй о патриархах и законоучителях III в. Иудеи и римская власть в III в.....	315
6. Обзор традиции о внутренней деятельности патриархов в III в. Традиционное изложение обстоятельств конфликтов с синадрионом.....	323
7. Экономическая жизнь Палестины II–III вв. по данным Талмуда.....	329

Глава 7
ТРЕТИЙ ПЕРИОД РИМСКО-ИУДЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

1. Вводные замечания	338
2. Иудеи и иудаизм в законодательстве Константина.....	340
4. Воздействие новых взглядов на общественную жизнь (события первой половины IV в.).....	347
5. Иудеи и иудаизм в законодательстве Констанция	350
6. Юлиан и иудаизм	353
7. Иудеи и иудаизм в законодательстве Феодосия I, Аркадия и Феодосия II. Письма Либания как источник сведений о жизни и деятельности последних патриархов.....	366

8. Иудеи и иудаизм в V в.	380
9. Иудеи и самаритянские восстания	391
10. Иудеи и иудаизм в законодательстве Юстиниана	395
11. Иудеи и иудаизм в законодательстве преемников Юстиниана. «Доктрина но-вокрещенца Иакова».....	402
12. Иудеи и иудаизм в годы персидского и арабского завоеваний Ближнего Востока (до битвы при Йармуке).....	406

Приложение I. Важнейшие греческие и латинские надписи, характеризующие жизнь общин Диаспоры

1. Надпись из города Стобы.....	418
2. Другие надписи с упоминанием патриархов.....	421
3. Образцы надгробных надписей с упоминанием жизни, согласно предписаниям иудаизма.....	422
4. Надгробие Фаустины.....	423
5. Надпись с острова Делос (конец II — начало I в. до н. э.)	424
6. Надписи из Акмонии, Фригия.....	425

Приложение II. Иллюстрации и карты.....

Библиография.....	467
Список сокращений	489
Указатели	491
Исторический.....	491
Географический	492
Имена собственные	495

Научное издание

Александр Гаврилович Грушевой

**ИУДЕИ И ИУДАИЗМ В ИСТОРИИ
РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И РИМСКОЙ ИМПЕРИИ**

Редактор *М. К. Одинокова*

Корректор *Г. С. Якушева*

Технический редактор *С. В. Кузнецов*

Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 11.10.2007

Формат 60 × 90¹/₁₆. Усл. печ. л. 31,5. Тираж 800 экз. (РГНФ — 300 экз). Заказ № **542**

Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета.

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии Издательства СПбГУ.

199061, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 41.